

Игорь ПОТОЦКИЙ

МАРИЯ

Мария Кортес — одна из самых красивых женщин, встреченных мною в Мексике. Женщина Тихого Любования, потому что здесь открыто любоваться женщинами не принято, к тому же замужними женщинами, но я смотрю на Марию, и мне кажется, что у меня не хватит времени налюбоваться на ее лунно-солнечное лицо, великолепную фигуру, тонкие пальцы, и у меня в груди перехватывает дыхание, а она мимолетно улыбается мне, словно не догадывается о своей красоте или делает вид, что до нее, своей красоты, ей нет никакого дела.

Я пришел к ней с Марио Леосом, поэтом и архитектором, давно уже влюбленным в Марию Кортес, но она его не любит и говорит: "Только без влюбленных вздохов, Марио, ты не представляешь, как они мне надоели. И не такое у меня настроение, чтобы им поддаваться".

Леос тяжело вздыхает и обещает посвятить Марии грандиозную поэму, самую грандиозную из тех, что написаны в городе Вильяэрмосе.

Мария рассказывает мне о своем муже — Вечном Неудачнике, совсем не имеет значения, как его зовут на самом деле. Ему бы только сидеть в баре и трепать языком. И всем говорить, какая у него красивая жена, будто он открывает какую-то тайну, а на самом деле ему все равно, о чем говорить: он любит тараторить без умолку, а красивая жена — только предлог.

Тут Леос не выдерживает и бормочет: "Какая же она красивая!" — но Мария его не слушает, а продолжает свой рассказ. И в этом рассказе, как в сонате, возникает главная тема — Тема Отчаянья, и глаза Марии Кортес темнеют, будто внезапно наступила ночь, но солнце продолжает жалить своими лучами, а в сонате пробуждаются побочные партии, но все они о Вечном Неудачнике, некастом мужичонке, но Мария его любит, лелеет, ей кажется, что он проснется от спячки, отринет свою пустопорожнюю болтовню и сделает Великое Дело, на которое, как ей кажется, он способен.

Леос снова выкрикивает: "Какая она красивая!" — но Мария просит меня, а глаза ее опять светлеют, не обращая внимание на мужчину-попугая, а я, не дотрагиваясь до ее слов, киваю своей седой головой, мне хочется сказать нечто мудрое и значительное, быстрое, как афоризм, но я не нахожу достойных слов, а просто люблю Марию Кортес, не в силах перенести свой взгляд даже на книги, которых множество на полках, а ведь обычно, приходя в чужой дом, я устремляюсь к книгам, словно ничего другого меня в этой жизни не интересует. Я читал нескольких мексиканских писателей, самым блестящим из них является Фуэнтес, но сейчас их произведение не выходят из меня наружу, не расходятся кругами по воде, ведь меня интересует только Мария, Мария, Мария и никто больше, но тут мне вспоминается, что о Марии, пусть и другой, написал свое "Облако в штанах" Владимир Маяковский. Я видел предисловие Троцкого к одному из парижских изданий "Облака", а Троцкого в Мексике все знают.

Я мог бы рассказать Марии об этой поэме, легкой, как облако или как улыбка самой Марии, но я боюсь, что буду путаться, подбирая испанские слова, а делать ничего подобного не следует. Больше всего я боюсь, что Мария спросит меня, почему я смотрю на нее таким Пронзительным Взглядом, отнюдь не благодарным, а я стану сутулиться под ответным лепетанием, как ветки дерева манго под бесчисленными плодами, сразу покраснев, как часть неба возле заходящего солнца, а она громко рассмеется, но не надо мной, а потому что не сможет сдержать своего смеха, который долго копился, но вот прорвался наружу.

Она, без сомнения, знает, что вызвала во мне молодость — ту самую, когда я писал, не задумываясь, записки девушкам с брызгами своего сердца, а они далеко не всегда на них отвечали, но я писал и писал, словно заполнял страницы несуществующего дневника. И сейчас я чувствую, что пишу записку Марии, но только ей, никому больше, и слова берутся из ниоткуда, строятся в колонны, маршируют по узеньким улочкам Вильяэрмосы, находящимся в самом центре, а впереди идет знаменосец, и на полотнище знамени выткано "МАРИЯ". А я стараюсь от него не отстать, а навстречу нам идет всамделишная Мария, улыбаясь, прощая мне, что я попал под обаяние ее красоты, но не говоря, что я далеко не первый и не последний это сделал. Тому пример поэт и архитектор Марио Леос, бормочущий свое новое эротическое стихотворение.

Марии нравится ощущать, что я от ее красоты схожу с ума (так и есть на самом деле), и походка ее означает приказ сдаваться (я ему подчиняюсь). Она спрашивает меня о Черном море и удивляется, когда я говорю, что оно отнюдь не черное, но все равно название оправдано, потому что мой город, да и другие города на Черном море, когда-то испытали много горя, вот и стали тогда волны черными, как вороны, но потом тьма отхлынула, и вновь стал господствовать небесный цвет.

"Мария, — говорю я мысленно, — давай пройдемся по Вильяэрмосе, по набережной, уводящей от повседневности, спеша в Новую Действительность, где над нами будут летать совы с человеческими лицами с картин Модильяни". Как сладостно говорить Такие слова Марии, хоть она их и не слышит, но меня, скорее всего, выдает дрожание ресниц, которые мне невозможно удержать в равновесии, а мои ладони вспотели, потому что хотя ласкать удивительное тело Марии, но я знаю, что, увы, этого никогда не случится, потому что я сдрейфил и не смогу никогда вслух сказать, что я чувствую.

— И я чувствую! — говорит, улыбаясь, Мария. Как бы мне хотелось выяснить более подробно, что она чувствует, но я встаю и прощаюсь с ней — Женщиной-Мечтой, а Марио Леос плетется за мной с потерянным видом. Как я его сейчас хорошо понимаю!

10 июня 2009 г.
Вильяэрмоса

ВСЕ ПЕРЕМЕШАЛОСЬ

Я был с художником Рикардо Хименесом Альваресом на развалинах Комалькалько. Когда-то здесь был большой город майя, 25 тысяч жителей. Они смеялись, целовались, делали детей, отнимали себе все больше пространства у сельвы. Потом города не стало. Пирамиды майя засыпали землей и ушли. Никто не знает: на восток или на запад? Остался в сельве странный засыпанный город, который нашли и раскопали в конце позапрошлого века.

Мы с Рикардо поднялись на самый большой акрополь и остановились у ниши, подготовленной для покойника, но его туда почему-то так и не положили. Потолок ниши из разноцветных осколков камней, а весь акрополь из кирпичных плит, длина некоторых из них больше метра.

На небе солнце и облака совсем близко, почти вплотную.

— Хочешь, — спрашивает меня Рикардо, — я вызову ветер? У меня сегодня получится, ведь мой отец был колдуном, и он научил меня некоторым своим деяниям, поэтому у их называть не могу.

— Вызывай, — соглашаюсь я, — авось станет легче дышать.

И Рикардо начинает пощивывать, именно пощивывать, а не свистеть. И тут неожиданно возникает плавный ветерок, и он постепенно обретает такую силу, что волосы на моей голове начинают шевелиться. Наверное, мои глаза наполняются восторгом, жаль, что у меня нет с собою зеркала, а Рикардо, довольный собой, смеется. Он говорит:

— Видишь, я выполнил свое обещание.

И начинает мне рассказывать, что в этом городе Комалькалько наверняка от большинства людей исходило зеленое сияние, потому что они были добрыми людьми, — от злых людей никакого сияния не исходит, а в земле они превращаются просто в горстку пепла, а вот люди с зеленым сиянием куда не уходят, а потом, в другой жизни, они самопроявляются, поэтому живут вечно. И он, художник Рикардо Хименес Альварес, чувствует свою связь с одним из жителей Комалькалько, предки которого жили в Атлантиде, но пришло время, когда следовало Атлантиду оставить, и тогда их общины предки пришли в Мексику, минуя Канаду и США, чтобы здесь построить свои города, напоминающие Атлантиду.

Мне кажется, что от Рикардо исходит зеленое сияние. Мы познакомились несколько дней назад, когда открылась выставка в одной частной галерее Вильяэрмосы. На выставку тогда пришло много народу, и одна галеристка из госгалереи, которая никак не могла понять, почему на ее выставки появляется только несколько человек, а тут...

И от картин Рикардо Хименеса Альвареса исходило трепетное зеленое и оранжевое сияние — жизни и нового возрождения. Его коты и ягуары имели человеческие лица, боль и радость переплетались, а влюбленная кошечка думала, каким образом окольцевать своего избранника. А на заднем пейзаже возвышались развалины пирамид, скрытые причудливым туманом, словно это был не простой туман, а кольца дыма сигар; множество колец, замкнутых в цепочки, как недели, месяцы и годы нашей жизни, где хорошие и плохие поступки не пропадают бесследно, а оседают в нашей памяти, чтобы в подходящий момент выплыть из нее, как со дна моря.

Картины были написаны маслом на папирусе, изготовленном художником самолично. Но этот папирус был прямым и спокойным, нигде не горбился, как глады Мексиканского залива при штиле; я никогда прежде такого папируса не видел, а лицо художника украшали усы и борода, а его работы предвараля афиша с биографией, что он учился на художника в главном городе штата Чиапас, славного своими колдунами и колдуньями, а потом его выставки с успехом прошли в Париже, Милане, Палермо, Мехико и других больших городах, а вильяэрмосцы, пришедшие на выставку, только и делали что щелкали своими фотоаппаратами, а художник Рикардо Хименес Альварес мелькал между своими работами и не уставал объяснять, что все мы связаны с природой, вышедшие не только из материнского лона, но и из лона природы, внезапно проявившиеся на свет посредством толчков женского тела, как будто растение из одного семени. И в момент нашего появления на свет собачки из близлежащих дворов не лают, словно ощущают на своей шерсти нежные руки поветухи, стоит безмолвная отороч, которая должна прерваться младенческим криком. Но и картина похожим образом проявляется на свет, как вылеск долговременной энергии, тянущейся внутри материнской утробы; крик, знаменующий жизнь.

Он говорил медленно, но фразы все были округлы, как солнце, чьи лучи бродили по его картинам, я это ощущал и совсем не удивился, когда притронулся к папирусам, и все они были теплыми, а Рикардо, сощурив глаза, пригласил меня побывать в городе Комалькалько, вернее, в городе пирамид, а не в том, обыкновенном, который вырос рядом с пирамидами.

— Сеньор, — сказал мне художник, — вы много приобретете на этих гордых развалинах, имеющих в диаметре 7 километров, но перед вашими глазами пройдут века, наполненные драмами и жизнью, потому что нет ничего прекраснее дворцов, возведенных во имя жизни, а в музее есть чашки, обыкновенные только с первого взгляда, но эти чашки давали жизнь дворцам, потому что из них пилась вода жизни, вечная, как музыка. Слои за слоями воздвигались эти дворцы, а рядом быстро рос акрополь для мертвых, еще более величественный, потому что по нему ходила Душа Тьмы, перевитая Духом Пакаля, а маску Вечно Пилигрима из Атлантиды нашли случайно, но сейчас она служит вечным амулетом развалинам города пирамид Комалькалько.

Мы поехали в этот город прошлого. Город необыкновенных конструкций, скрепленных раствором из перемолотых моллюсков, оказавшимся прочнее цемента. В пустой и одновременно наполненный жизнью город, потому что сельва кругом раздвигала птичьи великие соло, похожие на музыку Дебюсси, а над развалинами кружились сотни стрекоз и бабочек. Наверное, их было, если суммировать, ровно 25 тысяч, но я уже перестал удивляться, но тут художник Рикардо Хименес Альварес сказал мне, что удивление — повод жить дальше, а я не стал спорить.

Вот тогда-то он и позвал ветерок, пришедший ниоткуда и быстро исчезнувший. И лицо его стало маской Вечно Пилигрима из Атлантиды, и мне неожиданно показалось, что на небе возник орел с дерзновенными крыльями — именно тот, которому поклонялись индейцы пирамид Комалькалько.

15 июня 2009 г.
Вильяэрмоса

Вторая любовь

Тогда я учился в университете и был самым плохим студентом-историком. Потому что мне быстро разонравилась история как таковая, а нравилось сочинять свои истории, которые я безуспешно пытался предлагать газетам и журналам, но они никому не были нужны. Из Москвы и Питера мне приходили холодно-вежливые отказы.

Тогда я читал заповедь. Книжки меня вбирали целиком. Повести чередовались с поэмами, стихи с романами. Сотни закладок в книгах, которые я вынужден был сдавать в библиотеки. Расставался я с ними с трудом. А еще я таскался по книжному магазину, и иногда мне попадались настоящие книги. Не так часто, как хотелось бы. И даже пару раз познакомился с поэтами. Уже давно печатающимися. Плохо, когда сто поэтов или людей, считающих себя поэтами, собираются в одном месте и делают вид, что слушают друг друга. Сейчас я живу в Вильяэрмосе (Юг Мексики), и два дня назад здесь состоялся фестиваль латиноамериканских поэтов. Их наехало больше сотни. И они были очень вежливы друг с другом, вежливы до безобразия, а мне было одному хорошо среди них, потому что у их стихотворений не читал и никому не завидовал, и меня никто из латиноамериканских поэтов не читал. Меня познакомили с ними, и я обещал их всех пере-

водить: поэта из Панамы, поэта из Чили, поэта из Уругвая. А они обещали переводить меня на один испанский язык, потому что с бразильским поэтом, пишущим на португальском, я не успел познакомиться.

Бог с ними, с поэтами и с их любовницами, потому что почти все латиноамериканские поэты приехали со своими любовницами. Просто они должны своих муз иметь рядом с собой. Под боком. И больше всего эти поэты написали эротических стихов. Не потому что они эротоманы, а потому что современная латиноамериканская поэзия без эротики невозможна. У меня, бедного, до сих пор голова болит от их стихов, так много я их наслушался. Но я пишу об этом фестивале вовсе не из-за их стихов, а потому что вместе с чилийским поэтом приехала молоденькая чешка, удивительно похожая на Зосю Марчевскую, в которую я посмел влюбиться на первом курсе университета.

Я старался быть все время рядом с этой чешкой, а она, в конце концов, начала полукрыто со мной заигрывать. Мы пошли в маленький ресторанчик, заказали кофе и мороженое, и я выложил ей историю о себе и Зоське Марчевской, а чешка меня подбадривала своими ярко-спасательными глазами, будто обещала уйти от своего чилийца и остаться со мной в Вильяэрмосе.

Но вчера она уехала, что к лучшему, ведь она отвлекла меня от воспоминаний о реальной Зосе Марчевской и о благоприятном времени, которое я провел когда-то во Владивостоке.

С Зоськой меня познакомил Таня Краюхина. С Таней я учился в школе, но она ничего не думала, когда нас познакомили, — просто в ней сработала женская интуиция, а я влюбился сразу, потому что Зоська была полькой, а я тогда зачитывался Прустом, Жеромом, Сенкевичем, Броневским, Тувином, Галчинским, Ставинским. У последнего мне особенно нравилась повесть "Влюбленный пингвин", но Зоська училась на факультете романо-германской филологии и польских писателей и поэтов не читала. Исключительно Шекспира, Донна, Барстоу, Силли-тоу... Я ей на первом же нашем свидании пересказал канву "Влюбленного пингвина", а она мне сказала:

— Только надо, чтобы чувства у нас были настоящими, а не книжными.

— Я тебя понимаю, — сказал я. — У нас с тобой мысли похожи, как у близнецов.

Я тогда ушел чуть говорит уверенно. Только перед университетскими преподавателями слегка терялся. И еще перед Зоськой Марчевской, слишком она была строгой и величественной. Не терпела пустых разговоров. И сердилась, когда считала, что мы время тратим впустую.

А мне времени совсем не было жалко. Когда мы были рядом, и я мог гладить ее ладонь, уже не страшно ее сердитой вспышки. Но поцеловать я Зоську долго не решался, так долго, что она сама меня поцеловала первой и при этом сказала:

— Сегодня ты восхитительно выглядишь!

Так она сказала, чтобы оправдать свой поцелуй, а я засмутился, ушел в себя, покраснел, совсем некстати пролепетал: "Спасибо!". Она засмеялась, играючи своими колдовскими глазами, и тихо совсем произнесла:

— Какой же ты, Книрик, еще ребенок!

Когда мы расстались, я шел по Владивостоку и нес Зоськин поцелуй. От Мальцевской переправы до общаги, и сторонился встречных людей, чтобы они меня не задели и чтобы мои губы не выронили Зоськино дыхание. Понятное дело, губы у меня были крепко сжаты.

Ничего эротического у нас не было. Только клятвы и поцелуи.

Я боялся, что Зоська встретит красивого молодого человека, влюбится в него и придет на последнее свидание с явным намерением бросить меня.

— Не бросай меня, Зося Марчевская!

— Какой же ты глупый!

— Это у меня получается непроизвольно. Так не бросишь?

— Кто его знает.

У меня тогда была одна злобедная болель — фантазирование. В моей голове кружились не сто фантазий, а в десять раз больше. Даже перед Зосей я не мог удержаться.

Из-за моих фантазий мы в конце концов расстались. Потому что Зося не могла терпеть трепачей-фантазеров, а я был именно таким. Я бы на ее месте поступил точно так же. А еще виноватым оказался мой бывший друг Генка Колосов. Он наговорил обо мне много несуразностей, но мои оправдания не помогли, ведь я тогда не знал, что женщин следует слушать и не перебивать, а я перебивал Зосю, а она злилась, и было уже понятно, что я ей не нужен. И тогда она сказала зло и резко:

— У меня есть другой!

Я опешил, а она повторила:

— У меня есть другой!

И только сейчас я понимаю, что никого у нее не было. Даже меня.